

Из нашей комнаты через занавеску душевой пробивалась тоненькая полоска света, и я видел, как он лежит в кровати. Я отлично знал, что он не спит.

- Экли, - позвал я. - Ты спишь?

- Нет.

Было довольно темно, поэтому я наступил на чей-то ботинок и чуть не упал. Экли сел и облокотился на руку. У него на лице было много белой мази от прыщей. В темноте он выглядел довольно страшно.

- Что ты, черт возьми, делаешь? - спросил я.

- Ты спрашиваешь, что я делаю? Я пытался заснуть до того, как вы двое стали шуметь. Из-за чего дрались?

- Где свет? - я не мог найти выключатель и шарил рукой по стене.

- Зачем тебе свет?.. Возле твоей руки.

Наконец, я нашел выключатель и зажег свет. Старик Экли поднес ладонь к глазам, чтобы свет бил не так сильно.

- Боже! - сказал он. - Что, черт возьми, с тобой случилось, - он имел в виду кровь и все такое.

- У меня произошла небольшая стычка со Стрэдлейтером, - ответил я и сел на пол. В их комнате не было ни одного стула. Я не знаю, что они с ними сделали. - Послушай, - продолжил я, - не хочешь немного поиграть в карты? - Он был заядлым игроком в карты.

- Да ты весь истекаешь кровью. Тебе надо ее как-то остановить.

- Она сама остановится. Слушай, ты поиграешь со мной в карты или нет?

- Карты, твою мать? Да ты знаешь, который час?

- Не поздно. Только около одиннадцати. Ну, может, полдвенадцатого.

- Только? - переспросил Экли. - Я завтра утром собираюсь идти на мессу, если что. Вы двое начали орать и драться посреди чертовой... Чего вы дрались-то?

- Это долгая история, не хочу утомлять тебя. Я забочусь о твоём благополучии, - я никогда не обсуждал с ним свою личную жизнь. Начнем с того, что он был даже глупее, чем Стрэдлейтер. Да что там: Стрэдлейтер рядом с ним был гением. - Эй, ничего если я поплюю сегодня на кровати Эли? - спросил я. - Он же не приедет до завтрашнего вечера, так? - я прекрасно знал, что не приедет. Эли уезжал домой почти каждые выходные.

- Я не знаю, когда он приедет, - ответил Экли.

Боже, как же это взбесило меня.

- Что значит, ты не знаешь, когда он приедет? Он никогда не приезжает раньше, чем в воскресенье вечером, так?

- Так, но ради всего святого, я не могу разрешить всем подряд спать в его постели.

Это убило меня. Я протянул руку и потрепал его по плечу.

- Ты прелесть, малыш Экли, - сказал я. - Ты знаешь это?

- Нет, серьезно... Я не могу разрешить всем подряд спать...

- Ты настоящая прелесть. Ты ученый и джентльмен, малыш, - сказал я. И это было правдой. - У тебя случайно не найдется сигарет? Скажи «найдется» или я умру.

- Нет, вообще-то у меня нет сигарет. Так чего вы дрались?

Я не ответил. Я встал и подошел к окну. Совершенно неожиданно я почувствовал себя ужасно одиноким. Я почти хотел умереть.

- Да чего вы, черт возьми, дрались? - спросил Экли в пятидесятый раз. Он точно решил доконать меня этим вопросом.

- Из-за тебя, - ответил я.

- Господи, из-за меня?

- Ага. Я защищал твою гребанную честь. Стрэдлейтер сказал, что ты никудышный тип. Я не мог позволить ему говорить так.

Это привело его в невероятное возбуждение.

- Он так и сказал? Кроме шуток? Он сказал именно так?

Я ответил, что всего лишь пошутил, а потом лег на постель Эли. Боже, как же отвратительно я себя чувствовал. Я чувствовал себя ужасно одиноким.

- В этой комнате воняет, - сказал я. - Здесь везде воняет твоими носками. Ты их когда-нибудь относишь в прачечную?

- Если тебе здесь не нравится, сам знаешь, что ты можешь сделать, - ответил Экли. Он был невероятно остроумным парнем. - Как насчет того, чтобы выключить этот чертов свет?

Впрочем, свет я не выключил. Я просто лежал на постели Элли и думал о Джейн. Я просто с ума сходил от злобы, когда представлял их в машине толстозадаго Эдда Бэнки. Как только я начинал думать об этом, мне хотелось выпрыгнуть из окна. Дело в том, что вы не знаете Стрэдлейтера. А я знал. Большинство парней в Пенси только болтали о том, как занимались сексом, - Экли, например, - а вот Стрэдлейтер действительно делал это. Я лично был знаком с двумя девушками, которых он поимел. И это было правдой.

- Расскажи мне о своей прекрасной жизни, малыш Экли, - попросил я.

- Как насчет того, чтобы выключить свет? Утром я иду на мессу.

Я встал и выключил свет, к его большой радости. Затем я снова лег на кровать Элли.

- Ты что, собираешься спать в постели Элли? - спросил Экли. Боже, он был, как настоящее привидение.

- Может быть, а может быть, и нет. Не думай об этом.

- Я не думаю. Просто не хотелось бы, чтобы Элли вдруг зашел в комнату и увидел какого-то парня...

- Расслабься. Я не собираюсь здесь спать. Я не буду злоупотреблять твоим чертовым гостеприимством.

Через пару минут он уже храпел. А я продолжал лежать в его комнате, пытаюсь не думать о Джейн и Стрэдлейтере, сидящих в чертовой машине Эдда Бэнки. Но это было практически невозможно. Проблема заключалась в том, что я знал все приемы Стрэдлейтера. От этого мне делалось еще хуже. Однажды у нас с ним было двойное свидание, и мы тоже взяли машину Эда Бэнки. Стрэдлейтер сидел со своей девушкой на заднем сидении, а я со своей - на переднем. Вот это он выдавал. Он начал грузить свою девушку тихим, проникновенным голосом, как будто он был не просто симпатичным парнем, но еще до черта милым и откровенным. Меня чуть не стошнило, пока я слушал его. Его девушка все повторяла: «Нет... пожалуйста. Пожалуйста, не надо. Пожалуйста». Но старик Стрэдлейтер продолжал грузить ее своим проникновенным голосом в стиле Авраама Линкольна, и, в конце концов, на заднем сидении наступила гробовая тишина. Эта тишина очень сильно смущала. Не думаю, что в тот вечер он трахнул ее... но он был чертовски близок к этому. Чертовски близок.

Пока я лежал там и старался не думать, Стрэдлейтер вернулся из ванной. Я слышал как он вошел в нашу комнату, начал убирать свои мерзкие бритвенные принадлежности и открыл окно. Он жить не мог без свежего воздуха. Немного погодя он выключил свет. Он даже не стал меня искать.

На улице было еще хуже. Даже машин не было слышно. Я почувствовал себя таким одиноким, мне стало так паршиво, что даже захотелось разбудить Экли.

- Эй, Экли, - сказал я шепотом, чтобы Стрэдлейтер не услышал меня из-за душевых занавесок.

Экли не слышал.

-Эй, Экли!

Опять никакой реакции. Он спал, как убитый.

-Эй, Экли!!

На этот раз он услышал.

- Да что с тобой? - спросил он. - Я спал, если что.

- Послушай, что нужно для того, чтобы поступить в монастырь? - я забавлялся идеей поступить в монастырь. - Нужно быть католиком, да?

- Естественно, нужно быть католиком. Слушай, ублюдок, ты разбудил меня, чтобы задать этот тупой воп...

- Ой, спи! В любом случае, я поступлю в монастырь. А если учесть, что мне всегда очень везет, то я поступлю в тот, где полно несправедливых придурков. Где все будут тупыми ублюдками. Или просто ублюдками.

Когда я сказал это, Экли сел.

- Послушай, - сказал он, - мне все равно, что ты говоришь обо мне, но если ты начнешь задевать мою чертову религию...

- Расслабься, - ответил я. - Никто не собирается задевать твою чертову религию.

Я встал с постели Элли и пошел к выходу. Я больше не хотел находиться в такой дурацкой атмосфере. Впрочем, я остановился, взял руку Экли и начал трясти ее, изображая крепкое рукопожатие. Он отдернул руку.

- В чем дело? - спросил он.

- Ни в чем. Я просто хотел поблагодарить тебя за то, что ты был таким душкой, - ответил я. Я сказал это очень проникновенным голосом. - Ты крутой чувак, малыш Экли. Ты знаешь это?

- Очень умно. Однажды кто-нибудь проломит твою...

Я даже не стал слушать его. Я хлопнул долбанной дверью и вышел в коридор.

Все спали или уехали домой на выходные, и в коридоре было очень-очень тихо и удручающе. Перед дверью Лиха и Хормана лежала пустая коробка зубной пасты и, пока я шел по ступенькам, я пинал ее носком шлепанцев. Я думал спуститься вниз и посмотреть, что делает старик Мэл Бросард, но внезапно передумал. Внезапно я решил, что тем же вечером уберусь из Пэнси ко всем чертям. Я имею в виду, что теперь я не собирался ждать до среды. Я просто больше не хотел там околачиваться. Там мне было слишком грустно и одиноко. Поэтому я решил снять комнату в одном из отелей Нью-Йорка - одном из самых дорогих отелей - и пожить до среды там. А в среду приехать домой отдохнувшим и отлично себя чувствующим. Я подумал, что, скорее всего, мои родители не получат письмо старика Термера о том, что меня вышвырнули до вторника или среды. Я не хотел приезжать домой до тех пор пока они его не получат и не переварят. И мне не хотелось быть рядом, когда они вскроют конверт. Моя мама превращается в настоящую истеричку. Но когда она переварит плохую новость, то становится не такой уж страшной. Кроме того, мне нужен был отдых. Мои нервы были на пределе. На самом деле.

Короче, вот что я решил сделать. Поэтому я вернулся в комнату, включил свет и начал собирать вещи. Кое-какие у меня уже были собраны. Стрэдлейтер даже не проснулся. Я закурил сигарету, оделся, а потом упаковал два чемодана. Я очень быстро собираюсь.

Во время упаковывания вещей кое-что слегка расстроило меня. Мне пришлось упаковать роскошные коньки, которые мама прислала мне всего пару дней назад. Я так и видел, как она заходит в спортивный магазин и задает продавцу миллион idiotских вопросов... а меня снова вышвырнули. И это меня очень расстроило. Она купила не те коньки, - я хотел беговые, а она купила хоккейные, - но все равно я расстроился. Почти каждый раз, как кто-нибудь делает мне подарок, все заканчивается тем, что я расстраиваюсь.

После того, как я закончил собирать чемоданы, я посчитал бабки. Не помню точно, сколько у меня было, но было немало. Неделю до этого бабушка прислала мне довольно приличную сумму. Моя бабушка очень щедра на деньги. У нее слегка крыша поехала, - она стара, как черт, - и она присылает мне бабки на День Рождения четыре раза в год. Короче, хоть денег у меня и хватало, я решил, что неплохо было бы иметь пару баксов сверху. Никогда не знаешь, что случится. Поэтому я спустился и разбудил Фредерика Вудрофа, парня, которому я одолжил свою печатную машинку. Я спросил, сколько он может мне дать за нее. Он сказал, что не знает. Он сказал, что не очень-то хочет ее покупать. Впрочем, в конце концов, он ее купил. Она стоила около девяноста баксов, а он взял ее за двадцать. Он был расстроен, потому что я

разбудил его.

Когда я был готов, уже с сумками и все такое, я остановился и бросил последний взгляд на чертов коридор. И тут я закричал. Не знаю почему, но я надел свою красную шапку, повернул козырек назад, как мне нравилось, и заорал во все горло:

- СПИТЕ КРЕПКО, ИЗВРАЩЕНЦЫ!!!

Готов поспорить, что я разбудил каждого ублюдка на этаже. А потом я убрался оттуда. Какой-то идиот разбросал на ступеньках ореховую скорлупу, и я чуть не сломал себе шею.

<http://tl.rulate.ru/book/86611/2779566>